

Е. Н. Василенко (Могилев, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

The article is devoted to the description of morphological categories in the light of pragmalinguistics. The variety of existing approaches to the essence of pragmatics is reviewed. The role of the grammatical categories of person, tense and mood being the nuclei of the corresponding functional-semantic fields in the realization of communicative strategies of the speaker is revealed.

Как известно, в семиотике язык описывается с точки зрения семантики, синтактики и прагматики. В последнее время возрос интерес лингвистов к прагматическим аспектам коммуникации, что привело к выделению особого направления исследований – лингвистической прагматики. По мнению Ю.С. Степанова, именно язык «как бы незаметно направляет теоретическую мысль (философов, размышляющих о языке) и поэтический порыв (художников слова) поочередно по одной из своих осей – сначала семантики, затем синтактики, и, наконец, прагматики и, завершив этот цикл, готов, по спирали, повторить его снова» [1, с. 5].

О сложности и многомерности прагматики сегодня говорят многие лингвисты. Так, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, подчеркивая, что в естественном языке «онтология» и «прагматика» существуют в неразрывной связи и взаимодействии, отмечают, что «экстралингвистическая реаль-

ность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношением друг к другу, и в этом смысле “онтология” явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [2, с. 7].

Указывая на сложность определения границ прагматики, В.В. Химик предлагает определить ее ядро, организующий центр, которым, по мнению ученого, является «понятие говорящего, “я”, и отражение этого “я” в единицах языка и речи» [3, с. 3].

Данную точку зрения разделяют и другие лингвисты. Например, Ю.С. Степанов отмечает, что в сфере прагматики, где мы сталкиваемся с максимальной условностью и знаковой «произвольностью», «постоянным остается лишь сам принцип отношений – ориентация на говорящего, и это единственная объективность, которая действует в этой сфере» [4, с. 244]. В другой работе ученого находим: «новая парадигма [...] поставила в центр внимания координату “Я”, рассматривая ее как необходимую основу для всего остального. На координате “Я” зиждется анализ более общего и столь же важного для этой парадигмы понятия субъекта» [1, с. 217]. Первичным аппаратом прагматики, являющейся «одной из трех основных частей всякой семиологии наряду с семантикой и синтаксисом» выступает локация, аппарат которой, в свою очередь, «состоит из разнообразных знаков-индексов, значения и функции которых могут быть определены только в непосредственном отношении к акту речи в момент его протекания» [4, с. 242–243].

Эгоцентричность человеческой речи отмечают многие ученые. Так, Дж. Лайонз утверждает, что в типичной ситуации высказывания при переходе в разговоре роли говорящего от одного участника к другому переключается и «центр» дейктической системы [5, с. 275], а В.Г. Гак пишет, что «человеческая речь эгоцентрична, поскольку именно говорящий отображает в своем сознании отношения между предметами действительности и компонентами речевого акта» [6, с. 557]. Сходную точку зрения находим у Б. Хайне, который считает, что структура языка является результатом нашего взаимодействия с миром вокруг нас, а способ построения высказываний и развития лингвистических категорий можно определить по тому, как мы воспринимаем наше окружение и используем этот опыт в общении [7, с. 1].

Коммуникативной реализацией общей антропоцентрической установки языка В.В. Химик называет категорию субъективности. По мнению лингвиста, эгоцентричность каждого отдельного высказывания проявляется в субъективном самовыражении (непроизвольном или осознанном) говорящим, относительно которого устанавливаются субъективные смыс-

лы (персональные, модальные, темпоральные, оценочные, экспрессивные и т.д.), которые вместе составляют «прагмасемантическое поле субъективности, куда входят разноуровневые языковые и внеязыковые средства актуализации “я” через его различные показатели» [3, с. 3]. Семантико-прагматическое поле субъективности пересекается с рядом функционально-семантических полей, например, с модальностью и экспрессивностью, однако ведущей зоной проявления субъективности является персональность [там же, с. 5].

В дальнейшем мы также будем использовать разработанное представителями функционального подхода, интегрирующего средства всех уровней языка на основе общности их функций, понятие функционально-семантических полей, под которыми понимаются «единства, имеющие функциональную основу» [8, с. 3]. В структуре многих функционально-семантических полей можно выделить ядро – те центральные языковые средства, которые с высокой долей регулярности выражают семантику данного поля. Часто ядром функционально-семантических полей являются грамматические категории.

На своеобразии грамматики как системы указывают многие лингвисты, а интерес ученых к прагматике привел к необходимости осмысления грамматических категорий в прагматическом аспекте, с точки зрения коммуникативной стратегии говорящего. Как отмечает О.С. Иссерс, грамматика, будучи сложной, строго организованной системой, развивающейся по своим внутренним законам, «обнаруживает и подвижность, и гибкость, которые позволяют говорящему творчески использовать ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в соответствии со своими коммуникативными задачами. Грамматическая система языка обладает значительным потенциалом речевого воздействия» [9, с. 130].

При этом развитие системного подхода в современной науке потребовало изучения грамматических категорий в их взаимосвязи, что позволяет выявить «новые языковые закономерности, которые обнаруживаются в комплексной зависимости функционирования одной категории от функционирования другой категории» [10, с. 4].

Учитывая то, что общая антропоцентрическая установка языка реализуется, главным образом, посредством семантико-прагматического поля субъективности, важнейшей зоной проявления которого является персональность, представляется справедливым при анализе языкового материала отталкиваться именно от данного функционально-семантического поля и грамматической категории лица как его ядра.

В.В. Мартынов пишет: «с категорией лица мы покидаем сферу внутриграмматических отношений и переходим в иную – сферу простран-

ственной и временной стратификации денотата предложения относительно говорящего (локацию). Если единственной глагольной категорией, участвующей в предикации, является категория залога, то категория лица и все остальные глагольные категории участвуют исключительно в локации» [11, с. 116].

Действительно, функционально-семантическое поле персональности самым непосредственным образом связано с темпоральностью, так как именно эти категории соотносят определенную ситуацию с конкретным актом речи. В свою очередь, универсальная категория темпоральности (во всех языках мира можно обнаружить определенную организацию понятия времени) неразрывно связана с модальностью, которая, с точки зрения прагматики, представляется «не как некая семантическая данность (аспект семантики), не как функция, сопровождающая диктальное содержание высказывания (аспект синтактики), а как управляемый и осуществляемый говорящим процесс выбора имеющихся в распоряжении языка средств, модусная аранжировка говорящим своих речевых поступков с целью регулирования собственных и чужих интенций» [12, с. 69].

Рассматривая парадигматические связи глагольных грамматических категорий вида, залога, склонения, времени и лица, Ю.А. Пупынин отмечает, что их парадигматические и функциональные связи тесно взаимосвязаны. В частности, одним из проявлений связей грамматических категорий в парадигматическом аспекте является иерархичность: «инвентарь форм категории, стоящей на более низкой ступени иерархии, входит как составная часть в инвентарь форм категории, стоящей на более высокой ступени иерархии». Так, все формы лица входят в состав времени, все формы времени – в состав склонения, «и только формы вида и залога не составляют части инвентаря по отношению к какой-либо другой категории, в том числе по отношению друг к другу» [10, с. 7].

Учитывая два вышеназванных параметра: участие грамматических категорий в локации и их иерархические связи – мы предлагаем выделить в качестве наиболее прагматически значимых универсальные и взаимообусловленные категории лица, времени и склонения, которым соответствуют функционально-семантические поля персональности, темпоральности и модальности. Данные категории функционально значимы в коммуникативном и суггестивном аспекте. Другие грамматические категории, как то: число, залог, степени сравнения и др. – также участвуют в реализации коммуникативных стратегий говорящего и помогают воздействовать на адресата, однако они менее самостоятельны и работают в комплексе с названными выше.

Литература:

1. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю.С. Степанов; отв. ред. В.П. Нерознак. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.
2. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
3. Химик, В.В. Категория субъективности в современном русском языке (эгоцентрический потенциал субъективных компонентов высказывания) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Химик. – СПб., 1991. – 33 с.
4. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика [Текст] / Ю.С. Степанов; под ред. Ю.Н. Караулова. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2012. – 360 с.
5. Lyons, J. Introduction to theoretical linguistics [Text] / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968. – 523 p.
6. Гак, В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи [Текст] / В.Г. Гак // Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 554–566.
7. Heine, B. Cognitive foundations of grammar [Text] / B. Heine. – New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. – 185 p.
8. Теория функциональной грамматики: Ведение, аспектуальность, временная локализованность, таксис [Текст] / отв. ред. А.В. Бондарко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.
9. Иссерс, О.С. Речевое воздействие [Текст]: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
10. Пупынин, Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий [Текст]: учеб. пособие / Ю.А. Пупынин. – Ленинград: Изд-во Ленингр. орд. Труд. Красн. Знам. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1990. – 80 с.
11. Мартынов, В.В. Категория языка: семиологический аспект [Текст] / В.В. Мартынов; отв. ред. Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
12. Конюшкевич, М.И. Модальность в свете прагматики [Текст] / М.И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. – Гродно: Изд-во Гроднен. гос. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 58–78.